

деленной долей условности говорить применительно к 90-м гг. XX вв. Сегодня отечественная наука вошла во вполне нормальный (не только в куновском, но в общепринятом смысле этого слова) этап своего развития. Нормальный — не значит беспроблемный. Сформировались новые подходы, центры и школы. Появляются очень интересные научные работы. В том числе и по историографии.

В качестве примера здесь можно называть, скажем, серию интересных статей А.Н. Дмитриева (на наш взгляд, не оцененных еще отечественной историографией), предлагающих по-новому взглянуть на процессы, протекающие в отечественной исторической науке начала XX в., через призму концепции «академического марксизма» и процесса «секуляризации гуманитарного знания», или книгу тюменских историков Т.Н. и С.В. Кондратьевых «Наука «убеждать», пред-

лагающих принципиально новый взгляд на характер «научных дискуссий» в советской историографии, разворачиваемый на материалах истории советской медиэвистики 1930—1950-х гг.

Очень интересной и перспективной представляется традиция изучения истории археологических исследований в России, заложенная А.А. Формозовым.

История советской историографии — это на сегодняшний момент вообще благодатная непаханая нива, которая ждет своих исследователей. Исследователей, оснащенных принципиально новым категориальным аппаратом.

А на стенания о кризисе остается ответить: «Собака лает — караван идет».

И в качестве итога, своего рода вывода:

б. Пусть будет больше историографий, хороших и разных.

А.В. Свешников

Историографомания

В одной из повестей Сергея Довлатова есть персонаж, который в СССР преподавал научный атеизм, а эмигрировав в Америку, стал вести религиозные передачи на радио «Свобода». Когда коллеги иронизировали над его ренегатством, он возмущался. «Религия, — сбивчиво начинал объяснять новоявленный теист, — религия...». «Твой кусок хлеба!» — заканчивали они. Эта история вспоминается, дабы успокоить защитников историографии. А.Г. Еманов не собирался покушаться на ваше пастбище. Его рукой, как кажется, водило другое чувство: ему стало грустно от того, что на его собственном «историческом» поле слишком мало подобных ему особей и оно может зарости чертополохом. И еще ему очень жаль времени, которое приходится просиживать в диссертационном совете, дабы прослушать всех соискателей, с большим или меньшим успехом пересказывающих в

своих увесистых «кирпичах» кучу чужих книжек и статей. Он не знаком с героем Довлатова и поэтому никак не может взять в толк, зачем пересказывать то, что в нашей стране сплошной грамотности может прочесть каждый.

А.Г. Еманов никогда и нигде не отказывал историографии в ее собственном объекте. Он, я уверен, застенчиво промолчит, когда услышит, что у историографии есть еще и свой предмет¹, ибо прекрасно знает, что слово «предмет» специально было изобретено в старину учеными книжниками для перевода латинского «objectus». Оба они значают нечто, расположенное впереди, т.е. в нашем случае то, на что направлено внимание субъекта. Позднее «предмет» переместился из церковнославянского языка в русский. Более того, охранители чистоты историографического питья, которое он, как им кажется, пытается замутить, могут найти у него следую-

¹ Об этом см.: *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д.* К вопросу о функциях и месте историографических исследований в развитии исторической науки // *Вестник Тюменского государственного университета.* 2004. №1. С. 79.

ший спорный пассаж: «Историографическое исследование принадлежит к числу наиболее сложных, кратко превосходящих по трудоемкости и затратам интеллектуальных усилий чисто историческое исследование»². Как бы то ни было, приведенная цитата свидетельствует о глубоком уважении к подлинным результатам историографического поиска. Так что ни собаке, ни каравану волноваться не стоит. Они могут продолжать лаять и идти. Скромных сил Александра Георгиевича не хватит, чтобы их остановить. Да он и не задается такой целью.

Уважаемые историографы, А.Г. Еманов пишет о том, что большинство историографических работ похожи друг на друга так же, как овечка Доли на исходный генетический материал. Методика их написания остроумно и точно именуется им сканерной. Везде «парадигмы», «хронологические этапы процесса», тематическое группирование авторов, заключение с претензией на типологию и констатация того, что историками вопроса имярек уже много сделано, но еще немало следует прояснить и исследовать. По наблюдению А.Г. Еманова, число таких творений умножается год от года. Наверное, не стоило бы обращать внимания на то, что правильнее назвать «историографоманией», если бы не закладываемый ею порок воспроизводства клонов посредством раздачи степеней и открытия все новых и новых советов. Вот бы и развеяли его опасения и сомнения примерами противоположного свойства! Продемонстрировали бы трансцендентальность историографического духа, вербально запечатленного в нетривиальных текстах! Такие случаи имеют место быть. Но о них не упоминается. На мой взгляд, потому не упоминается, что все историографические и методологические работы пос-

ледних лет, вызвавшие неподдельный интерес, принадлежат перу либо успешно практикующих в настоящее время историков, либо практиковавших в недавнем прошлом³. «Современный историк не может идти вслепую», — справедливо утверждает А.В. Свешников. И они, поверьте, прекрасно вооружены «инфракрасными приборами ночного наблюдения». Прочитайте внимательно А.Г. Еманова: «Для формирования историографического видения требуется целая жизнь, причем жизнь на пределе активности, максимальной включенности в европейскую и мировую академическую среду. Судьбы выдающихся историков позволяют говорить об определенной логике обращения к историографическим сюжетам: первую часть жизни историк занимается конкретными историческими штудиями, шлифуя до совершенства свою исследовательскую технику, затем он обращается к вопросам истории культуры, требующим более высокого уровня обобщения и знания мировой историко-культурной традиции, и лишь после этого переходит к историографии, становящейся как бы итогом жизни ученого в науке».

Но такой путь в историографию А.В. Свешников почему-то называет косностью. Хотя если сравнить его собственные вербальные практики с вокабулярием «косных», по его словам, но обратившихся к историографии практикующих историков, то сравнение будет не в пользу А.В. Свешникова. Одно только требование последнего «осознать... что такое Ямальская тундра», для того чтобы изучать в ней огкладки на революцию 1917 г., чего стоит. В конце концов, не важно, знаком ли А.В. Свешников с теорией имени Джона Стюарта Милля по работам самого классика или в изложении, предположим, Н.Е. Копосова, не важно, слышал ли он о том, что всякое

² Еманов А.Г. Между историографией и псевдоисториографией // Европа. 2003. Вып. 3. С. 223.

³ Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999. М., 1999. С. 17–41; Уваров П.Ю. Апокатастасис, или Основной инстинкт историка // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 2000. М., 2000. С. 15–32; Он же. Думают ли историки? А если думают, то зачем? // Одиссей. 2003. М., 2003. С. 303–331; Копосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001; Гуревич А.Я. История историка. М., 2004; Бовыкин Д.Ю. Анатолий Васильевич Адо: образ и память // Памяти профессора А.В. Адо. М., 2003. С. 13–87.

нарицательное имя имеет референцию и значение и что оно денотирует класс объектов и коннотирует их атрибуты, не важно, понятен ли ему смысл этих мудреных слов. И без всей этой семантики и лингвистики ясно всякому, берущемуся писать о происходящих на Ямале событиях, что тундра есть тундра. Любое обыденное сознание, знакомое только с телевизором, тут же представит бескрайние просторы Севера, поросшие травой, прорезанные речками, болотами и следами от вездеходов. Но по А.В. Свешникову, для того чтобы по-настоящему, т.е. теоретически, взяться за дело, сначала нужно как следует тундру «отрефлектировать». Написать, видимо, что-то вроде: «Ямальская тундра — это пространство, покрытое ягелем, расположенное на полуострове Ямал, где в условиях вечной мерзлоты обитают ненцы и ханты». Тогда это будет, вероятно, научно, теоретично и современно. Не будем иронизировать, ибо в этом пассаже А.В. Свешников простоудушно проговаривается. Он, по сути, утверждает, что основная задача, может быть, основной инстинкт историографа состоит в создании определений, лейблов. Теперь ясно: сознание историографа стремится поименовать и подвергнуть классификации любой текст, вышедший из-под пера историка. Но вот пользуются наши историографы, как правило, именами из других языков. Всех этих «тезаурусов», «дискурсов», «эпистемологий», «паралогик», «ментальностей» etc. (как во времена Пушкина «панталон» и «жилетов») нет в русском языке. И привнесли их на нашу почву не историографы, а практикующие историки, которые много раньше прочли своих зарубежных коллег. Таким образом, на российской почве даже инструментарий историограф как бы вдруг, произвольно заимствует у историка. Что поделаться: кого читаю, того и повторяю!

Основной пафос текста А.В. Свешникова сосредоточен в первом разделе, а именно в следующих 5 положениях: 1. Истории необходима критическая рефлексия собственного аппарата. 2. История должна быть научной, т.е. сочи-

няться по особым правилам, или «в рамках сознательно выбранной системы аксиом» 3. Историк должен помнить, что он «теоретичен», даже описывая конкретный сюжет. 4. Историография помогает понять историку, «что он, собственно, сейчас делает». «Историография создает историку критический инструмент». 5. «Историография нужна для того, чтобы история была наукой».

С первым тезисом можно согласиться, заметив одновременно, что этой критической рефлексии у самих историков предостаточно. Почитайте упомянутых выше М.А. Бойцова, Н.Е. Копосова, П.Ю. Уварова, А.Я. Гуревича и иже с ними и убедитесь в этом. Они задумались над смыслом и назначением истории после длительной работы над источниками. На мой взгляд, гораздо важнее критики аппарата каждодневное оттачивание ремесла: т.е. эрудитство, постоянная работа над текстами, совершенствование искусства чтения рукописей, расширение знакомства с архивными хранилищами и раритетами. Ничего страшного не случится, если знаток палеографии перепутает денотацию с коннотацией, гораздо хуже будет, если не бывавший в архиве рефлексатор начнет свысока смотреть и поучать знатока манускриптов. Не знаю, как уж у них там, в столицах, а у нас, в провинции, первых еще с советских времен хоть пруд пруди, а вторых единицы, но до сих пор некоторые норовят почитать эти единицы нулями.

Не рискну определенно утверждать, что А.В. Свешников понимает под научностью в истории. Меня еще студентом учили тому, что история начинается с изучения и атрибуции оригинальных текстов, с архивного поиска, результаты которого все время соотносятся с предшествующей традицией. С годами к ремеслу добавилось осознание того, что из добытого материала историк довольно-таки произвольно, следуя собственным приоритетам, предрассудкам и предубеждениям, строит нравящееся лично ему «историческое» здание, которое затем представляет на обозрение.

За особыми правилами и системой аксиом, на которых настаивает А.В. Свешников, боюсь, скрывается иронично описанный А.Г. Емановым «спасительный стереотип», или, как писал когда-то русский классик, аршин. Им уважаемый историограф — смотрите также пункты 4 и 5 — норовит историков, попавших под его тяжелую исследовательскую руку, сначала измерить, а потом этим же инструментом указать место в общем строю. Но, во-первых, такую научность мы встречали. Эта строгая дама давно почитается как синоним скуки. А во-вторых, практикующий историк за последние полтора десятка лет привык не обращать внимания ни на сетования по поводу кризиса истории, ни на упреки в склонности к фактологии и крохоборству. Историк важно — да и то в меру, — что думают о нем коллеги по цеху, та среда, в которую он включен. Ему зачастую безразлично мнение охранителей аксиом и критических инструментов.

Как в советских паспортах, самым важным в реплике Свешникова является, кажется, 5-й пункт: «Историография нужна для того, чтобы история была наукой». Это, видимо, следует понимать так, что если какой-либо историограф упомянул твое имя где-то, то ты — ученый, а если нет, то — увы! Подобные претензии могут греть А.В. Свешникова, но они столь же нелепы, сколь предположения, что сексология нужна мужчине, чтобы быть им. Мне кажется, что женщина убедит или разубедит его быстрее и эффективнее. Сам же историк по поводу учености скорее съязвит, чем начнет присягать ей на верность.

Историки никогда историографией не пренебрегали. Более того, каждый историк время от времени выступает как историограф. Будучи в теме, всегда волей-неволей приходится знать о том, что пишут коллеги, иметь на это собственное мнение. Нет большего удовольствия, чем слушать и говорить со знатоком деталей и нехарактерностей. Наконец, каждому приходится писать историографические разделы к соб-

ственным работам, а также обзоры, статьи и рецензии. Так делали наши предшественники в дореволюционные времена. Не берусь судить обо всей мировой исторической науке, но с достаточным основанием могу сказать, что ничтожно мало число профессиональных историографов в США и Британии. И только в нашей стране их число равно, а может быть, и превосходит количество практикующих историков.

Очевидно, что в советские времена историю «понимали как продолжение классовой борьбы». И профессиональные историографы были выращены идеологическими отделами ЦК КПСС, дабы свести счеты с «непонимающей» или «не принимающей» марксизм русской школой и развенчать зарубежную «буржуазную» науку. В выражениях эти профессиональные борцы «исторического фронта» не стеснялись. В послевоенном СССР их ряды пополнялись очень быстро. В ряде вузов были даже созданы специальные инкубаторы (простите, научные школы), которые, скажем честно, до сих пор существуют и даже расширили воспроизводство. Несколькими сменив лексику, их питомцы по-прежнему раздают оценки: этот, например, имплицитно теоретичен, а тот — эксплицитно фактографичен. Они не радуются тому, что историки все глубже погружаются в ремесло, все реже прибегают к генерализациям, все чаще «копаются» в деталях, затрагивают не глобальные темы, а пограничные и маргинальные сюжеты. Историки почти перестали вписывать свои частные сюжеты в некие общие схемы и типовой контекст. Историки ценят свой личный исследовательский опыт не меньше корпоративного. Зачастую члены даже одной узкой корпорации историков используют разные речевые конструкции при описании прошлого. И профессиональный историограф не находит в таких работах столь дорогих ему опорных точек. Не зная сути представленного, он приходит в ужас, ибо не может разместить прочитанное (если оно, конечно, понято) по привычным

рубрикам. Ведь сегодня историк зачастую не присягает на верность даже святым для профессионального историографа вещам, а именно: формационному, цивилизационному или модернизационному методам. Такое историописание, судя по А.В. Свешникову, «ненаучно» и просто не имеет права на существование.

Так что же, после всего, хочет А.Г. Еманов? Думается, простого восстановления естественного порядка вещей. А что такое реплика А.В. Свешникова? Это — очередной бунт ночного вора против изобретателя уличного фонаря.

С.В. Кондратьев

Исследователи истории Франции и власть (по материалам «Французского ежегодника 2002»)

В современной политологии существуют различные трактовки понятия «власть». Один из ведущих отечественных специалистов в данной области В.Г. Ледяев определяет власть как «способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями»¹. В работах других исследователей можно, правда, встретить и несколько иные толкования². Впрочем, несмотря на расхождения в трактовках базового понятия, немалая часть политологов разделяет мнение о существовании различных форм власти. Согласно упомянутому выше В.Г. Ледяеву, формы власти — это «способы воздействия субъекта на объект, ведущие к подчинению последнего воле субъекта», в т.ч. авторитет, манипуляция, принуждение и т.п. В качестве субъектов и объектов могут выступать и различные политические институты, и части социума, в частности — профессиональные корпорации.

Одной из таких корпораций является «братство» франковедов, являющееся составной частью «сообщества» историков. Если «сообщество» историков в зна-

чительной мере является воображаемым, поскольку не все его члены лично знакомы, то внутри мини-корпорации исследователей истории Франции существуют более тесные и интенсивные связи, поскольку активные информационные потоки объединяют тех, кто говорит на одном языке, изучает сходные проблемы, один и тот же регион.

Подробное и разностороннее представление о корпорации историков-франковедов дают материалы «Французского ежегодника» (далее — «ФЕ») за 2002 год³. Данный выпуск, приуроченный к 100-летию одного из ярчайших представителей этого профессионального сообщества — Виктора Моисеевича Далина (1902–1985); как раз и посвящен теме «Историки Франции». В сборник включены воспоминания о самом Викторе Моисеевиче близких к нему людей⁴, статьи об известных отечественных и французских специалистах по истории Франции, написанные на основе не только опубликованных текстов, но и многочисленных интервью и материалов личных и семейных архивов⁵, а также два текста

¹ Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ // Полис. М., 2000. №1. С. 106.

² Подробнее см.: Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001.

³ Французский ежегодник 2002: Историки Франции. К 100-летию В.М. Далина (1902–1985) / Под ред. А.В. Чудинова. М: Едиториал УРСС, 2002. 276 с.

⁴ Логосян В.А. В.М. Далин, каким я его знал; Далин М.В. Посильный комментарий к некоторым событиям жизни Виктора Моисеевича Далина; Гордон А.В. Встречи с В.М. Далиным; Легран Р. Памяти профессора В.М. Далина; Старостин Е.В. Ученый с глазами пророка; Оболенская С.В. Первая попытка истории «Французского ежегодника».

⁵ Смирнов В.П. Фернан Бродель: жизнь и труды; Канинская Г.Н. Жизненный путь Ж.Б. Дюрозеля: выбор случайный, призвание навсегда; Мазорик К. Альбер Собуль, историк и гражданин; Озуф М. Франсуа Фюре; Бовыкин Д.Ю. А.В. Адо, профессор Московского университета; Гладышев А.В. Г.С. Кучеренко: штрихи биографии; Летчфорд С.Е. В.Г. Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре.